

«Наше все» российской палеоботаники (К 80-летию со дня рождения С.В. Мейена)

И.А. Игнатьев

Геологический институт РАН, 119017 Москва, Пыжевский пер., 7
ignatievia@ginras.ru

17 декабря 2015 года исполнилось 80 лет со дня рождения Сергея Викторовича Мейена (1935–1987). При мысли о значении этого выдающегося исследователя для русской и мировой науки невольно приходит на ум другой светоч отечественной культуры – Александр Сергеевич Пушкин. Пушкин, который, по ставшему крылатым выражению, есть «наше все».

Для русской, российской палеоботаники Сергей Викторович Мейен действительно и в том же смысле есть «наше все». Крупнейший отечественный палеоботаник всех времен, к тому же видный эволюционист, теоретик биологии, глубокий философ и методолог науки. Его работы во многом определили облик современной российской палеоботаники, подняли ее на мировой, а в ряде областей – и более высокий уровень, задали многие ключевые темы и образцы исследований, послужили источником историко-методологической и моральной рефлексии. Среди многих коллег С.В. обладал высоким не только научным, но и моральным авторитетом, пытался (местами не без успеха) реорганизовать советское палеоботаническое сообщество на началах христианской этики и гуманизма...

В мировом палеоботаническом пантеоне место С.В. Мейена столь же почетно и уникально. И не только потому, что последние полтора десятилетия своей рано прервавшейся жизни он олицетворял для мировой и, в первую очередь, западно-европейской и североамериканской палеоботаники науку нашей страны. Принимал участие во многих международных мероприятиях, в организации конгрессов мирового масштаба. Был избран *honoris causa* вице-президентом Международной организации палеоботаники.

Среди крупнейших палеоботаников мира всех времен и народов в один ряд с С.В. Мейеном могут быть поставлены лишь отдельные гиганты мысли. Такие, как, например, германский палеоботаник французского происхождения Анри Потонье (1857–1913), который кроме выдающихся

палеоботанических работ писал оригинальные философские трактаты, был крупным теоретиком морфологии растений, видным геологом, заложившим основы современных представлений о происхождении углей.

Анализу научных достижений и идей С.В. Мейена, воспоминаниям о нем уже посвящена обширная литература, объем которой с годами, несомненно, будет расти. Мне же хотелось коснуться не столько истории идей ученого, сколько, так сказать, «социальной» стороны его творческой эволюции – истории его личности во взаимоотношениях с социумом и научным сообществом эпохи «победившего социализма», в которых ему пришлось жить и работать.

* * *

Вокруг всех или почти всех замечательных людей с годами нарастает клубок мифов и легенд. Черты живого человека постепенно скрываются под покровом литературного, фольклорного образа, который начинает властно подменять собой свой прототип, нередко вводя в заблуждение специалистов и историков науки.

Мне посчастливилось близко знать Сергея Викторовича, быть одним из двух его ближайших учеников, и потому в этой мемориальной статье я хотел бы выйти за рамки сложившейся вокруг него легенды о некоем «современном святом», ставшем жертвой «лежащего во зле» мира. Вспомнить, каким он был в жизни. Со всеми его достоинствами, но также слабостями и недостатками, взлетами и падениями, триумфом и трагедией этого великого духа. Человека высоко и разносторонне одаренного. И один Всевышний знает, как трудно было ему нести эти дары, чтобы, по евангельскому слову, вернуть их «с прибылью» и войти в радость «Господина своего».

Покушаясь на заветные мифы, вольно или невольно рискуешь вызвать недовольство людей, этими мифами живущих, получить идущее из

Семья Мейенов (слева направо): София Михайловна, дочери Елизавета и Екатерина, Виктор Александрович с сыном Сергеем на руках (г. Дмитров, 1940)

глубины веков обвинение в «развращении юношества и непочитании отеческих богов». Особенно, если осмеливаешься коснуться вещей, в ходячем мнении предосудительных, истин «низких» в противовес высоким. Что ж, пусть так, я иду на это сознательно. Ведь истина, высокая или низкая, — все равно истина и, как таковая, всегда одна. Я понимаю, что всякий человек — вещь-в-себе, микрокосм, онтологическая тайна, требующая уважительного и даже благоговейного к себе отношения. К тому же, не нам судить своих отцов. Понимая это и все же решаясь «покуситься на миражи», я думаю лишь об одном — уйдут люди, знавшие С.В. Мейена, и потомкам будет трудно понять, почему в действительности не были доведены до конца многие заявленные или успешно начатые им проекты. Почему не состоялись номотетическая морфология растений и номотетическая же теория эволюции, не была построена типология и даже не начат новый палеофитогеографический синтез для палеозоя...

Конечно, нарисованная мною картина будет несовершенна и схематична, полна символов и метафор, но такова уж природа изображаемого и наших познавательных способностей. Однако, как говорил А.А. Любищев, лучше плохая концепция, чем никакой.

И, наконец, будем помнить, что великий Пушкин остается «нашим всем» даже в контек-

сте далеко не лучших черт своей натуры. Ведь известно, что светлый гений российской словесности вел полупаразитический образ жизни, был откровенно развратен, местами циничен, вульгарно матерился и, не вынося детского крика, бил по щекам своего двухлетнего сына. Весь этот негатив, хорошо известный и потому тщательно замалчиваемый «пушкинистами», даже сближает Александра Сергеевича с нами — людьми, в массе своей далекими от совершенства. И, во всяком случае, делает более понятными и объяснимыми некоторые подробности его творческой биографии.

* * *

Итак, С.В. Мейен, Мейен Великий, Мейен, который «наше все»... Начнем с мифа о рождении нашего героя, о его «царственном происхождении». Если верить легенде, Мейен — чуть ли не потомок Гедмина, законный сын немецкого графа цу Мейен и княжны из древнего боярского рода, признанный эксперт в вопросах дворянской чести и дуэльного кодекса. Кстати, он и сам в молодости поддерживал и охотно распространял по друзьям и понравившимся ему женщинам эту версию. На самом же деле все обстояло куда более прозаично.

Сергей Викторович Мейен появился на свет в 1935 году, в Москве, в семье рыбоведа по специ-

альности и философа по духу *Виктора Александровича Мейена*¹.

Предки Виктора Мейена, приехавшие в Россию из Голландии при Петре Великом, с годами разжились и перед революцией владели доходными домами в Первопрестольной. Дворянами они не были. К упраздненному революцией дворянскому сословию принадлежала мать Сергея Викторовича – *София Михайловна*, урожденная *княжна Голицына*, ставшая в «государстве рабочих и крестьян» гонимой «лишенкой». Родичи ее в большинстве своем были рады, что нашелся хороший человек, захотевший связать свою судьбу с бывшей княжной и ее опальным семейством. Хотя были среди них и те, кто морщил нос и анахронически выступал против «мезальянса». История этой женитьбы трогательно описана в мемуарах С.М. Голицына «Записки уцелевшего» (М.: Орбита, 1990).

С.В. Мейен был младшим из троих детей, родившихся в этом браке.

В 1941 году, вскоре после начала войны семейство Мейенов постигло несчастье: Виктор Александрович был арестован, как говорили, «за немецкую фамилию», а точнее в ходе развернутой «органами» кампании по ликвидации немецкой «пятой колонны», осужден ОСО и, страдая сахарным диабетом, вскоре погиб в лагере. Его молодая жена и трое малолетних детей оказались обречены на нищенское существование под угрозой дальнейших репрессалий. До кончины «вождя народов» перспективы получения С.В. Мейеном высшего образования оставались, мягко говоря, туманными. И он всерьез готовился стать музыкантом-исполнителем, окончив для этого музыкальную школу по классу виолончели.

Таким образом, С.В. Мейен происходил из низов советского общества, причем людей, неблагонадежных в глазах власти. И, вопреки утверждениям его самого и некоторых подхвативших эту личную мифологию С.В. доброхотов, не получил, да и не мог получить ни дворянского, ни религиозного воспитания. Воспитание и образование С.В. были *типично советскими*, за исключением не очень настойчивых и в основном безуспешных попыток матери – женщины весьма религиозной – сделать С.В. человеком церковным и православным. Слишком усердствовать в

С.В. Мейен на выпускном экзамене в музыкальной школе (Москва, 1953)

этом было опасно, в том числе и для будущего самого С.В.

Вырос С.В. в среде городских низов и потому был демократичен и не отличался утонченной интеллигентностью. Юмор его отдавал народностью, «черным словом» он также умел приложить. Слабый физически, он старался самоутвердиться за счет интеллекта: спорил с учителями, дразнил их, придумывал разные шалости, о которых впоследствии иногда рассказывал.

Вполне интегрированный школой и комсомолом в советское общество, в молодые годы горячий поклонник идей социализма «с человеческим лицом», любимый сын и надежда семьи С.В. болезненно переживал свою бедность и отверженность, стремясь преодолеть их. Сталинщину, особенно после разоблачений на XX съезде компартии, он в душе ненавидел, но все равно боялся. Как-то он рассказал мне, что вскоре после бериевской амнистии к ним в дом пришел человек, по его словам, отбывавший заключение вместе с В.А. Мейеном. Он хотел рассказать

¹ Подробнее см.: *Тутунов В.С.* Виктор Александрович Мейен: биографическая справка // *Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал.* – 2010. – Т. 3. – С. 109–110. Там же (с. 111–133) опубликован «Очерк религиозно-философской системы» В.А. Мейена и фрагменты его переписки.

сыну о последних днях отца. Но С.В. отказался его выслушать, опасаясь провокации со стороны вездесущих «органов». Через 23 года он уже сожалел об этом.

* * *

Так или иначе, судьба бережет своих избранных. В 1953 году Сергей Викторович смог-таки поступить на геологический факультет МГУ, который окончил по кафедре палеонтологии. Среди своих университетских учителей он особенно выделял палеонтологов – импозантного академика Ю.А. Орлова, энциклопедиста палеонтологии В.В. Друщица, Н.А. Пославскую, В.А. Сытову, ботаников В.Н. Вехова, К.И. Мейера и Л.В. Кудряшова.

Надо сказать, что палеонтологией С.В. увлекся еще в школьные годы. Ходил на палеонтологический кружок, посещал лаборатории Палеонтологического института АН СССР. Но палеоботанику, по свидетельству близко знавшей его в студенческие годы И.А. Добрускиной², выбрал не из одного чистого интереса – палеоботаников было мало, а значит – меньше конкуренции, легче сделать карьеру, подняться по социальной лестнице.

* * *

Вопреки ходячему мифу, С.В. Мейен не был чистым искателем истины, хотя философией начал интересоваться еще в студенческие годы. В его архиве сохранился фрагментарный конспект книги С.Н. Трубецкого «Курс истории древней философии» (М., 1910), датированный 1956 годом. Книга принадлежала его отцу. Настоячивое влечение к вечному и непреходящему соединялось в личности С.В. с не менее мощным стремлением всплыть «наверх», войти в состав советской научной элиты, приобрести сословные привилегии и блага. Он был с юности настроен на карьеру и в сохранившихся письмах начала 1960-х даже поучал азам карьеризма одного из близких приятелей. Совсем как молодой А.С. Пушкин, наставлявший в дендизме своего брата-шалопаю...

При этом С.В. был очень честолюбивый человек, «знавший себе цену» и не без основания считавший себя несправедливо обойденным куда менее достойными индивидами. Советскую власть он, мягко говоря, не жаловал. Когда я познакомился с ним в 1974 году, он все больше склонялся к откровенному антисоветизму. Счи-

тал, что в стране свершается «работа ада». Вслед за «вражьими радиоголосами» повторял, что власть – это, прежде всего, охрана идей. В том числе ложных. Охрана незнания, ведущая к тому, что никто не знает истинного положения дел. Советские академики – это охранники невежества... Все подобные крамольные мысли С.В. записывал на отдельных бумажках и прятал среди других бумаг своего архива.

Но внешне и особенно пред бдительным оком начальства он всегда оставался лоялен. Держал язык за зубами. Никого, даже друзей-приятелей слишком близко к себе не подпускал. Активно формировал выгодный для себя имидж, обращаясь к людям лишь той стороной формируемого образа, которой хотел предстать в их глазах. Приоткрывался он редко, в основном когда сохранив инкогнито было невозможно.

С.В. демонстрировал общественно-политическую активность. Рано вступил в комсомол, быстро «дорос» до внештатного инструктора ЦК ВЛКСМ, за активную работу в лекторской группе награждался его почетными грамотами. В Геологическом институте АН СССР (ныне – РАН), где трудился всю жизнь, вел политинформации. Позднее организовывал работу философско-методологического семинара, призванного повысить уровень марксистской подготовки сотрудников...

Опираясь на поддержку членов Академии В.В. Меннера, В.А. Вахрамеева, Н.Н. Страхова, Сергей Викторович быстро защитил докторскую и благодаря доверию партийных органов был назначен генеральным секретарем 8-го Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона. Начал выезжать за рубеж. Едва не стал заместителем директора Геологического института, в котором работал, но по неведению не вовремя задел интересы одного из своих покровителей. «Медные трубы» громко пели в его ушах...

Сергей Викторович был первым фаворитом-выдвиженцем академика-секретаря ОГПТН Б.С. Соколова на выборах в Академию в апреле 1987-го. И наверняка прошел, если бы жизнь его не прервалась трагически 30 марта того же года.

* * *

Легенда гласит, что С.В. был верующим и православным. Это не так, хотя к историческому Русскому Православию он относился лояльно. Всячески его рекомендовал, но в церковной жизни участия не принимал. В интеллигентной компании, стремясь произвести впечатление, С.В. мог пофилософствовать о Боге и смысле жизни, поднять проблему теодицеи. Но это была лишь

² Воспоминания о С.В. Мейене // Палеоботанический временник. Приложение к журналу «Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал». – 2015. – Вып. 2. – С. 20.

М.Ф. Нейбург

маска. Под личиной образованного религиозного либерала скрывался убежденный сциентист и агностик. Последним он мало отличался от Ч. Дарвина, разве лишь тем, что не был владетельным сквайром, не учился на священника и, тем более, не штудировал «Естественную теологию» У. Пейли. Зато был куда лучше «подкован» в вопросе о возможностях человеческого богопознания.

Но в отношении сциентизма, как свидетельствует оставшийся после него архив, С.В. испытывал почти религиозный энтузиазм. «Сциентизм, — записывал он для потомства, — это лидерство науки, лидерство инженерной мысли, лидерство нравственности и этики. Это пионерская, культуртрегерская деятельность...».

* * *

Многие «житийные» тексты о Сергее Викторовиче повествуют о его великих учителях, в чем немалая доля правды.

Наставником С.В. в палеоботанике была *Мария Фридриховна Нейбург* (1894–1962) — авторитетнейший специалист по позднепалеозойским флорам СССР. Одно время — замдиректора Института геологических наук Академии. Полуруская-полунемка, уроженка Томска, дочь ссыльного поселенца и активная участница социал-демократических кружков. Человек крепкой руки и непреклонной «длинной воли»...

Именно она сориентировала С.В. на изучение позднепалеозойской флоры Ангарида, прежде

всего Тунгусского бассейна. Стимулировала освоение им основных палеоботанических методик и трех европейских языков — английского, французского и немецкого, без знания которых профессионально заниматься палеоботаникой невозможно.

М.Ф. стремилась привить своему воспитаннику-ученику азы протестантской трудовой этики, внимательно следила за его личной нравственностью, строго пресекая любые аморальные с ее точки зрения поползновения. Глубокое убеждение М.Ф. состояло в том, что образцовое выполнение долга является категорическим императивом — хвалить за это глупо и неуместно. А вот просчеты и уклонения, напротив, должны строго наказываться. Хотя «розгой», судя по личному дневнику С.В. тех лет, она не злоупотребляла.

По свидетельству С.В., в характере М.Ф. немецкая жестокость сочеталась с немецкой же сентиментальностью. Она могла буквально растоптать человека и тут же прослезиться от жалости к воющей во дворе института собаке. В институте ее побаивались. Приземистая, ширококостная, когда М.Ф. проходила по коридору административного этажа, обитатели его кабинетов спешили укрыться за закрытыми дверями. За широкой спиной М.Ф. С.В. чувствовал себя в полной безопасности.

После ее трагической гибели в 1962 году идеалом палеоботаника стал для С.В. английский исследователь Т.М. Гаррис, прославившийся, по его оценке, умением извлекать из палеоботанического материала все, что можно. Но работавший, добавим, по выражению Ч. Дарвина, «в истинно бэкониианском духе», то есть не затемняя свой ум разной высокой теорией. Гаррис был в Москве, и С.В. переводил несколько его выступлений, а затем пытался (правда, неудачно) опубликовать их отредактированные стенограммы в «Палеонтологическом журнале». Обменялись они и несколькими письмами. Ученик Т.М. Гарриса Б.А. Томас впоследствии стал приятелем и соавтором С.В.

Основательную подготовку в палинологии С.В. получил во время командировки в Индию у Д.К. Бхарадваджа из Палеоботанического института в Лакнау.

* * *

Наряду с палеоботаническими штудиями и устройством карьеры С.В. исподволь занимался теорией биологии, вкус к которой почувствовал еще на студенческой скамье.

В биологическом эволюционизме имя С.В. Мейена связано, в том числе, с популяризацией номогенеза и заявленной им попыткой осуществить «новый синтез» — построить на основе

номогенетических идей «номотетическую» теорию эволюции. Одним из краеугольных камней этой будущей концепции должен был стать вариант общей теории систем (ОТС), разработанный Ю.А. Урманцевым.

Начинал же С.В. как правоверный дарвинист. С «Номогенезом» Л.С. Берга его познакомила на 3-м курсе университета упоминавшаяся выше преподаватель кафедры палеонтологии Н.А. Пославская. Благодаря книге Л.С. Берга С.В. понял, что дарвинизм «не беспорочен». В соответствии с теорией «когнитивного диссонанса» Л. Фестингера он попытался компенсировать свои сомнения, штудировав труды А.Н. Северцова, И.И. Шмальгаузена, Э. Майра, Д.Г. Симпсона и других авторитетов современного дарвинизма. Но в этом не преуспел и на несколько лет впал в скептицизм, из которого вышел благодаря очередному подарку судьбы.

В 1968 году, через своего университетского приятеля Ю.А. Арендта, С.В. познакомился с идеями младшего соратника Л.С. Берга – А.А. Любищева (1890–1972), оказавшими глубокое влияние на его мировоззрение. Самого А.А. Любищева С.В. видел лишь однажды мельком, недолго с ним переписывался, но всю жизнь почитал своим учителем. После кончины «мэтра» С.В. много способствовал изданию его трудов, популяризации идей, изучению научного наследия. При жизни Любищева их общение было резко неравным. Любищев выступал как сложившийся мыслитель, глубокий и незаурядный. Молодой Мейен, напротив, лишь подавал надежды, заняв в этом диалоге место младшего и ведомого. Любищев был настоящим философом. Ради истины, как он ее понимал, он пожертвовал советской академической карьерой и возможностями публиковать свои теоретические труды. Франтоватый, заботившийся всерьез о своей внешней привлекательности Мейен был поражен тем, как некрасивый, подобно Сократу, Любищев, пренебрегая своим видом, «ходил в рубище». Зрелый Любищев был блестящим полемистом, смелым и принципиальным, о чем красноречиво свидетельствуют его выступления против лысенкоизма в годы безраздельного господства этого течения³. Молодой Мейен, напротив, чуя

запах успеха и поддержку влиятельных академических бонз, склонен был следовать конъюнктуре...

* * *

К 1974 году активные занятия эволюционной теорией в русле идей А.А. Любищева привели С.В. к столкновению с господствующим селекционизмом в лице таких влиятельных фигур, как А.А. Яценко-Хмелевский, Ю.И. Полянский и К.М. Завадский. Устами Завадского советский «эволюционный официоз» сформулировал свою позицию по отношению к номогенезу: это устаревшая идеалистическая концепция. Основная идея Л.С. Берга – постулат, голословное утверждение. Все рациональное в номогенезе, в том числе некоторые идеи самого С.В., нужно включить в СТЭ⁴.

Но тогда, в начале 1970-х, С.В. был к этому еще не готов. «В 1970-е годы, – свидетельствует его многолетний соратник и близкий друг Ю.В. Чайковский, – Мейен дал мне понять, что номогенез – это не только история науки, но и ее передний край»⁵. Вслед за Любищевым, С.В. считал, что биоразнообразие – самодовлеющая сущность, а не результат приспособления. Случайность – это взгляд на мир, а не «довесок» к закономерности. Первая закономерность разнообра-

ровым оргвыводам по отношению к “шарлатану” наносящему огромный вред биологической науке.

Мне довелось принять участие в проверке письма. Лысенко, конечно же, оправдывался, приводил разные доводы, когда убедительные, когда нет, но никаких “контрсанкций” к обидчикам не требовал. Это был его стиль – не превращать науку в конкурентную борьбу с обязательным устранением проигравших. Он страстно, фанатически верил в свою правоту, испытывая подчас наивные надежды, что противники в силу неопровержимости фактов рано или поздно придут к таким же выводам и сложат оружие сами, без оргвыводов со стороны руководящих инстанций. “Вот видите, – сказал по этому поводу Сталин, органически не выносивший мелких склок и дразг, характерных для научной и творческой среды. – Его хотят чуть ли не за решетку упечь, а он думает прежде всего о деле и на личности не переходит. Хорошее, ценное для ученого свойство”» (интервью для журнала «Молодая гвардия»; цит. по: Мухин Ю. Продажная девка генетика. – М.: ООО «Издатель Быстров», 2006. – С. 171–172).

⁴ Стенограмма заседания семинара Ленинградского отделения ИИЕиТ АН СССР и ЗИН АН СССР по проблеме номогенеза (Институт зоологии, г. Ленинград, 11 июня 1974 г. Записал В. Ковалев) // Палеоботанический временник. Приложение к журналу «Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал». – 2015. – Вып. 2. – С. 49.

⁵ Чайковский Ю.В. Заключительные мысли. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. – С. 39.

³ Эти выступления, кстати, не остались без последствий. Вот как вспоминал о них сталинский министр сельского хозяйства Бенедиктов:

«Не помню точно, кажется, в 1940 году в Центральном Комитете партии обратились с письмом двое ученых-биологов – Любищев и Эфроимсон. В довольно резких тонах они обвиняли Лысенко в подтасовке фактов, невежестве, интриганстве и других смертных грехах. В письме содержался призыв к су-

зия – это параллелизм форм. Разнообразие необозримо за счет комбинативности. Но базовые его элементы отнюдь не необозримы и позволяют говорить о пространстве логических возможностей. Естественный отбор – процесс, обедняющий разнообразие. Законы генезиса разнообразия являются самодовлеющими. Естественный отбор лишь апробирует готовые структуры.

* * *

Но жизнь коротка, время не ждет. В погоне за карьерой убеждения трансформируются быстро, едва поспевая за ускользающей конъюнктурой.

К концу 1970-х С.В. встал перед выбором. Следовать дальше по пути, проложенному А.А. Любищевым, строить номотетическую теорию эволюции, отказавшись от перспектив вхождения в советский научный истеблишмент и связанных с этим благ. Или взять курс на избрание в Академию. Но тогда – слияние или, по крайней мере, «симфония» с парадигмой, сближение с СТЭ и механистической эволюционной морфологией в духе А.Н. Северцова, В.Н. Беклемишева и И.И. Шмальгаузена.

Скрепя сердце и успокаивая себя обещаниями, став академиком не кривить душой, служить одной истине, а на досуге заняться «правозащитной» деятельностью в духе если не А.Д. Сахарова, то А.И. Солженицына, С.В. выбрал второе. И в печати заявил о своем намерении продолжать «синтез», начатый в 1930-е годы, а в качестве первого шага навстречу селекционистам – о своем отказе от самого термина «номотетическая теория эволюции».

Аналогичный поворот сделал он и в области морфологии, положив до лучших времен под сукно идеи номотетической морфологии растений. Последнюю он еще в 1978 году предлагал «скрестить» с номотетической же теорией эволюции, но только для англоязычных читателей⁶. По-русски эти крамольные мысли так и не увидели свет и отнюдь не из-за коварных происков Главлита!

Сомнительные в глазах советского биологического истеблишмента занятия типологией, мерономией и вообще всякой слишком высокой теорией стали отодвигаться на второй план или трансформироваться таким образом, чтобы избежать возможных упреков в близости к идеалистическим и другим «нетривиальным», как дипломатично называл их С.В., учениям.

На этом фоне расширилась деятельность, связанная с конкретными палеоботаническими исследованиями. Возникла потребность в «свежих» крупных результатах мирового уровня, достижениях, которые могли бы быстро получить признание за рубежом. И, конечно, нужен был «последний довод» уважающего себя кандидата в члены Академии: фундаментальная сводка – квинтэссенция всех великих свершений. В результате, скромный по первоначальному замыслу учебник палеоботаники на 10 печатных листов в рекордно короткий срок превратился в капитальную сводку «Основы палеоботаники»⁷.

Оживились и «политические маневры», направленные на укрепление своих административных позиций, замирение с оппонентами, поиск влиятельных покровителей и путей стать им полезным и даже необходимым. С.В. хорошо понимал, что для успешной карьеры нужно иметь поменьше сильных врагов и побольше – влиятельных друзей. Последних он готовил загодя, помогая избранию в Академию таких деятелей, как известный селекционист А.В. Яблоков.

Будучи членом диссертационного совета ГИНа, С.В. перестал голосовать против даже очень плохих работ, оправдывая это гуманными мотивами, связанными с «принципом сочувствия». На самом же деле – чтобы не плодить в предвыборный период недовольных собой и даже врагов. Были предприняты шаги к скорейшему получению профессорского звания.

Вся эта суетная деятельность, неразрывно связанная с самоцензурой, лицемерием и систематическим «наступлением на горло собственной песне», стрессировала С.В. и, на мой взгляд, способствовала развитию его смертельной болезни. Внутренний разлад, постоянно усиливаясь, высасывал его. Сковывал мысль, вгонял в состояние перманентной неудовлетворенности, даже депрессии. Развилась тяжелая язва желудка, а за ней – рак почки.

Последний год жизни наукой С.В. занимался мало. Теории не выстраивались. Доводы лукавого разума – самооправдание «интересами дела» и отдававший софистикой за версту принцип «борьбы за право работать для государства против государства» – как лекарство для измученной души помогали мало. Он старался думать о будущих свершениях, строил планы. Начал даже учить испанский язык, чтобы читать испаноязычную палеоботаническую литературу в подлиннике – но и это «снадобье» действовало слабо.

⁶ *Meyen S.V.* Nomothetical plant morphology and the nomothetical theory of evolution: the need for cross-pollination // *Acta Biotheoretica*. – 1978. – Vol. 27. – Suppl.: *Folia biotheoretica*, №7. – P. 21–36.

⁷ *Мейен С.В.* Основы палеоботаники. Справочное пособие. – М.: Недра, 1987. – 403 с.

К тому же в искренность его «обращения» в селекционистскую веру и проповеди мира «овец с волками» поверили немногие, что также не поднимало настроения. На работе, где, став в 1985 году завом лаборатории палеофлористики и стратиграфии континентальных отложений, он старался обратить на себя внимание дирекции, дела тоже не клеились. Предлагавшиеся им масштабные проекты и фундаментальные идеи встречались в лучшем случае равнодушно, а иногда в штыки. Предвыборная кампания в Академию шла фактически непрерывно, и конкуренты все сильнее «толкались». Доносчики, соглядатаи и советчики-доброхоты взяли С.В. в плотное кольцо. Он не имел сил от них избавиться. День он проводил за административными и предвыборными делами, а после конца рабочего дня опустошенный спускался в рабочий кабинет, надевал халат, и пытался прилечь к биноклю. Но вскоре начинал «клевать носом», мы шли пить чай, а затем я провожал его до дому. За чаепитием он изливал свою горечь, которой, увы, нельзя было помочь – спасти человека от самого себя может разве что всемогущий Господь!

Последние семь лет жизни С.В. – череда не только великих дел, но и «цикл трагедий» этого высокого человеческого духа.

* * *

Но Мейен есть Мейен. Научные свершения последних лет его жизни поражают, с одной стороны, глубиной и масштабом. И одновременно – незавершенностью и натяжками, особенно бросающимися в глаза на фоне попыток ученого обосновать их окончательный характер. Такова, например, его идея принципиальной полноты геологической летописи на уровне семейств у высших растений, по всей видимости, призванная обосновывать окончательность предложенного С.В. варианта системы голосеменных⁸.

Не вдаваясь в дискуссию, достаточно указать, что за почти три десятилетия, прошедшие после кончины С.В. Мейена, было установлено не одно новое семейство. И конца этому процессу не видно.

То же можно сказать о его системе и филогении голосеменных растений, впервые опубликованных в 1984 году⁹. Это был великий синтез! На основе всего известного в то время материала

была построена во многом оригинальная филогенетическая схема, в которой найдены связи всех порядков голосеменных.

Система голосеменных была построена на конгрегационном принципе и доведена до уровня семейств. В ней впервые были охвачены голосеменные бореальной Ангарской и нотальной Гондванской областей верхнего палеозоя, ранее в большинстве своем выпадавшие из рассмотрения и считавшиеся *incertae sedis*.

Крупнейшей новацией предложенной С.В. Мейеном филогении стала реконструкция крупной филогенетической ветви – так называемого класса Ginkgoopsida, связывающей карбонных каллистифитовых (Callistophytales) и каламопитиевых (Calamopityales) с пермотриасовыми пельтаспермовыми (Peltaspermales), а последних – с более молодыми лептострбовыми (Leptostroboles) и гинкговыми (Ginkgoales). Тем самым впервые была показана фундаментальная, на уровне классов, гетерогенность птеридоспермов.

На этой широчайшей фактической основе в новом свете предстали некоторые классические проблемы сравнительной морфологии голосеменных, в частности вопрос о происхождении семенной чешуи хвойных. С.В. Мейен доказывал, что, судя по палеоботаническим данным, это унифациальный орган, образовавшийся за счет слияния семяножек, а не стерильных чешуй пазушного комплекса.

Один из ближайших учеников С.В. – А.В. Гоманьков¹⁰ уточнил эти представления, показав, что в семофилогении женских фруктификаций хвойных можно выделить три процесса, протекавших в нескольких параллельных эволюционных линиях. Эти морфологические преобразования состоят, с одной стороны, в «билатерализации» (переходе от радиальной к билатеральной симметрии), что наблюдается у семяножек и всего семеносного побега (сопровождающееся слиянием стерильных чешуй и семяножек). С другой стороны, происходит слияние уплощенного семеносного побега с подстилающей его кроющей чешуей (рис. 1).

Внес С.В. свою лепту и в разгадку, по выражению Ч. Дарвина, «отвратительной тайны» – в проблему происхождения покрытосеменных растений. Им было показано вероятное возникновение цветковых от представителей выделенного им класса Cycadopsida и резко сужен круг их возможных предков.

⁸ Мейен С.В. На каком таксономическом уровне геологическая летопись полна? // Эволюция флор в палеозое: Сборник научных трудов. – М.: ГЕОС, 2003. – С. 134.

⁹ Meyen S.V. Basic features of gymnosperm systematics and phylogeny as evidenced by the fossil record // Bot. Rev. – 1984. – Vol. 50. – № 1. – P. 1–111.

¹⁰ Гоманьков А.В. Хвойные из пермских отложений Каргалинских рудников (Южное Приуралье) // Палеоботаника. – 2010. – Т. 1. – С. 5–21.

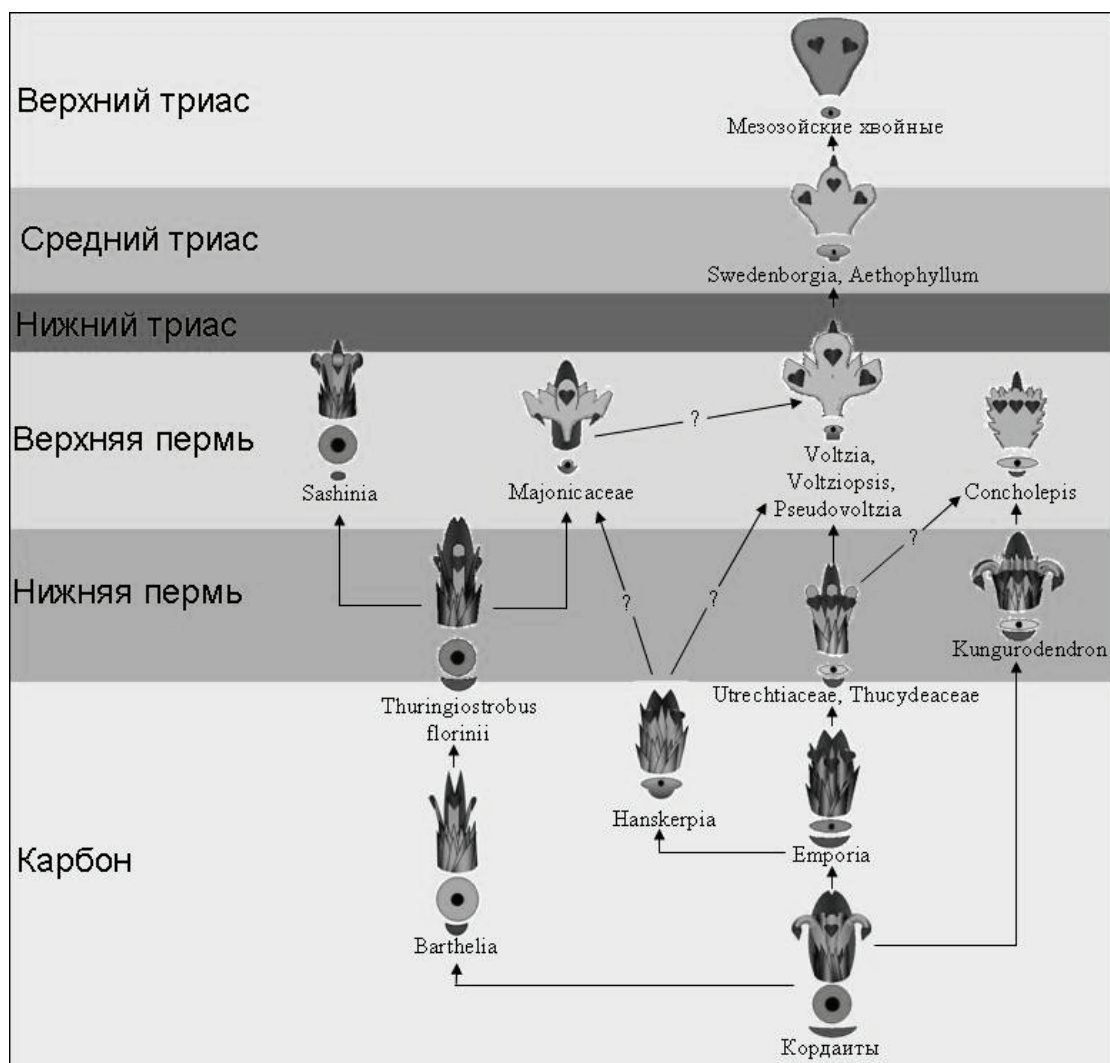

Рис. 1. Семофилогения женских фертильных побегов и семенной чешуи ранних хвойных по А.В. Гоманькову (2014 г.)

Позднее С.В. выдвинул оригинальную гипотезу происхождения покрытосеменных от беннеттитов путем так называемой *гамогетеротопии* – переноса признаков с одного пола на другой¹¹.

Думается, однако, что в действительности покрытосеменные – не менее гетерогенная, полифилетическая и, возможно, сборная группа, чем голосеменные. «Синдром покрытосемянности» формировался в разных сегментах разнообразия этой группы разными путями. Единство происхождения покрытосеменных, в том числе единый механизм происхождения их фруктификаций – научный миф, возникший на почве дарвинистических предрассудков.

¹¹ Мейен С.В. Гипотеза происхождения покрытосеменных от беннеттитов путем гамогетеротопии (переноса признаков с одного пола на другой) // Журн. общ. биол. – 1986. – Т. 47. – № 3. – С. 291–309.

В общеэволюционном плане построение системы голосеменных по всему доступному комплексу признаков, с учетом всех известных групп этих растений вскрыло то, что не могло не вскрыть любое объективное исследование. Выявились многочисленные параллелизмы и конвергентные сходства, нетривиальные модусы морфологических преобразований, вроде дедифференциации органов или псевдоциклов, универсальный характер так называемого *транзитивного полиморфизма* – сохранения разнообразия меронов и архетипов в преемственных филетических линиях, важная роль гомеотических механизмов в эволюционных преобразованиях фруктификаций.

Обратило на себя внимание и важное эволюционное значение *селективно нейтральных сальтаций*. Тем самым еще раз получил подтверждение тезис о консервативной роли естественного

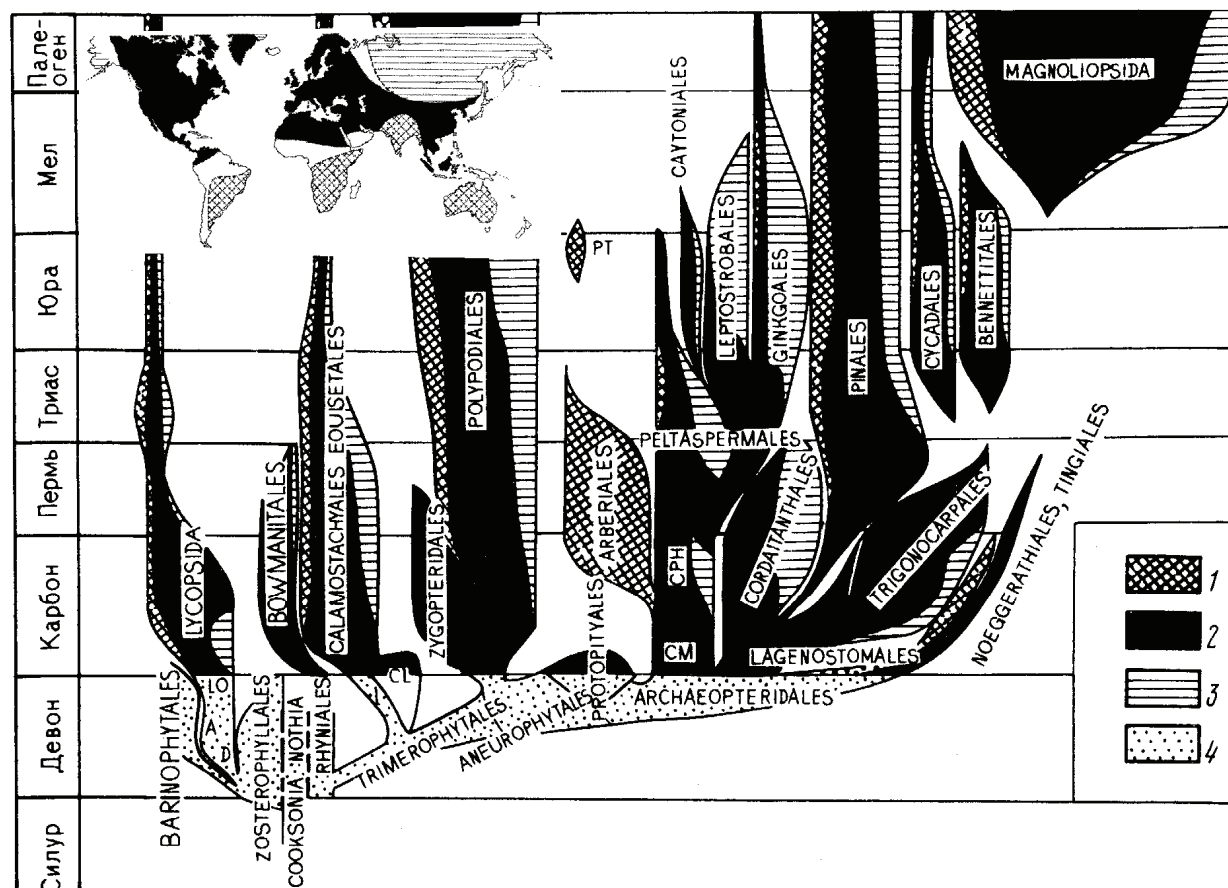

Рис. 2. Филогения высших растений по С.В. Мейену (1984 г.)

D – *Drepanophycus*; A – *Asteroxylon*; LQ – *Leclercqia*; CL – *Cladoxylales*; I – *Ibykales* (= *Iridopteridales*); CM – *Calamophytoidales*; CPH – *Callistophytales*; PT – *Pentoxylales*; 1 – нотальные (гондванские) внеэкваториальные области; 2 – экваториальные и прилежащие к ним экотонные области; 3 – бореальные внеэкваториальные области; 4 – палеофитогеографическая ситуация неопределенна; карта на врезке – палеофлористическое районирование позднего палеозоя

отбора, который давно высказывался А. Виганом, Н.Я. Данилевским, Н.Н. Страховым, Л.С. Бергом, А.А. Любищевым и другими исследователями. Но эти никак не «скреживавшиеся» с селекционизмом выводы С.В., понятное дело, на передний план не выставлял.

* * *

Построенную им филогению голосеменных на уровне порядков С.В. Мейен положил на палеогеографический фон (рис. 2). В результате удалось, как ему казалось, выявить приуроченность соответствующих филетических линий к основным климатическим зонам (экваториальной, бореальной и нотальной), как и приуроченность главных дивергентных событий к экваториальному поясу.

На другой его схеме (рис. 3) показано, как экваториального происхождения формы мигрируют во внутритропические широты.

С.В. Мейен включил построенную им филогению голосеменных в общую филогению высших растений на уровне порядков и классов,

также положенную им на географический фон (рис. 2). Бросающаяся в глаза черта этой филогении – ее дивергентный, «дарвинистический» характер, вместо «сетчатой» картины с множественными параллелизмами, предсказываемой номогенезом. Имеющиеся параллелизмы С.В. тоже объяснял вполне по Ч. Дарвину: общностью происхождения. Своеобразие можно видеть лишь в одном. Согласно выдвинутой С.В. Мейеном общезволюционной модели «фитоспрединга»¹², во внеэкваториальных биотах, более консервативных в эволюционном отношении, могут сохраняться (персистировать) более древние параллелизмы.

¹² Согласно этой модели, в эволюции растений основные макроэволюционные эпизоды приурочены к экваториальному поясу, откуда соответствующие формы при благоприятных условиях, в эпохи потеплений мигрируют во внутритропические широты. Там при последующем похолодании они либо вымирают, либо медленно эволюционируют с более низкой таксономической амплитудой – обычно на уровне видов, родов, редко – семейств.

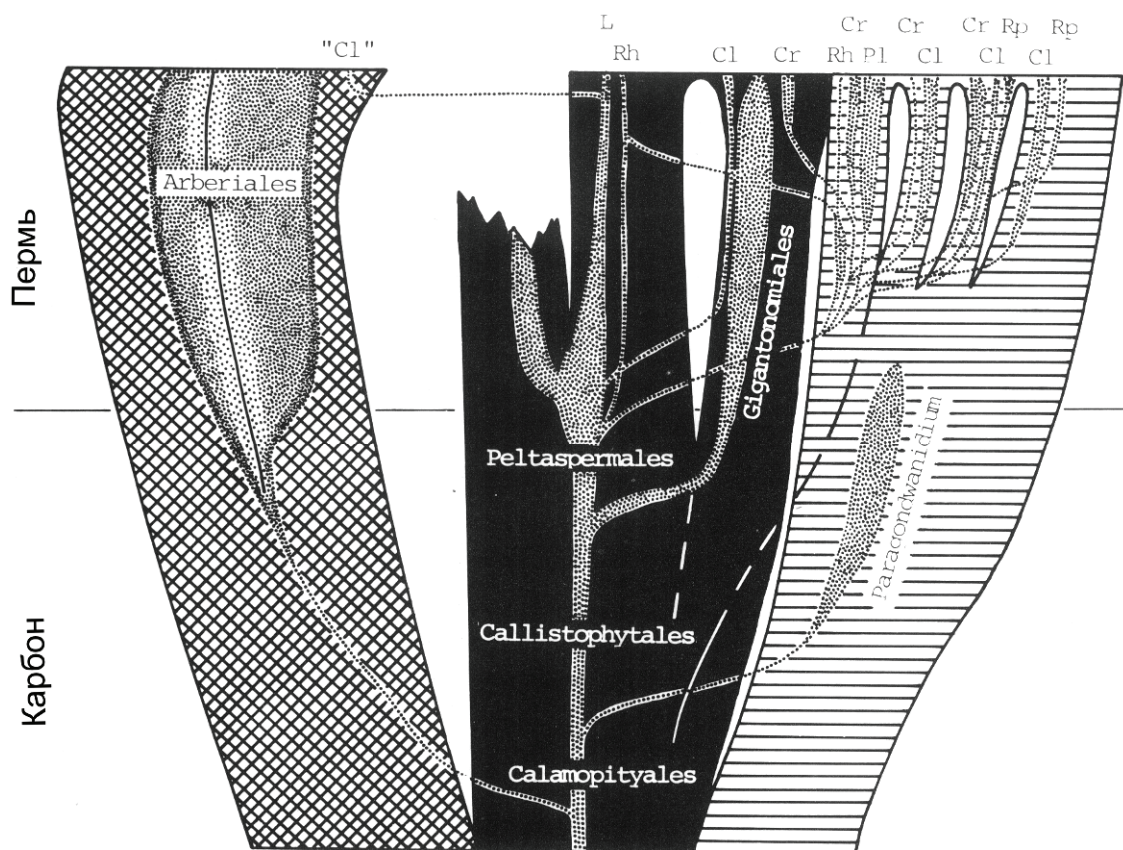

Рис. 3. Филогения и расселение каменноугольных и пермских Ginkgoopsida на фоне развития флор по С.В. Мейену (1987 г.)

“Cl” – растения, сходные с *Callipteris*; L – *Lepidopteris*; Rh – *Rhipidopteris* и сходные с ним формы; Cl – *Callipteris-Comia-Compsopteris*; Cr – *Cardiolepidaceae*; Pl – *Peltaspermales* с листьями типа *Tatarina*, *Glossophyllum* и *Lepidopteris*; Rp – *Rhipidopsis*; остальные условные обозначения, как на рис. 2

лизмы. Назовем их *архаическими*. Такова одна из сторон открытого С.В. Мейеном феномена, который он назвал *внетропическим персистированием*.

* * *

На недоуменные вопросы соратников по номогенезу С.В. Мейен отвечал уклончиво: так-де получается. «Я стал самым ярким монофилистом», – заявил он незадолго до кончины Ю.В. Чайковскому. И пояснил: «Оказалось, что когда весь материал знаешь, то ветви складываются в дерево, пусть и не имеющее отношение к систематике».

Верил ли в это сам С.В. Мейен? И как это уживалось в одной голове с идеями номотетики в духе А.А. Любищева и основными положениями ОТС Ю.А. Урманцева, остается только гадать. Имел ли место некоторый самообман, выдача желаемого за действительное, или умышленный пропагандистский ход, рассчитанный на благосклонное восприятие влиятельных селекционистов? Ведь С.В. Мейен, несмотря на стремитель-

но ухудшающееся здоровье, в лучший мир в ближайшие годы не собирался, и даже надеялся на избрание в Академию в апреле 1987-го. Этого мы не узнаем, во всяком случае, до конца.

Представляется, что подспудно С.В. все же понимал, мягко говоря, недостаточную фактическую обоснованность своих построений, что вынуждало его напрягать свои риторические способности. Возьмем, к примеру, реконструированную им ветвь, ведущую от каллистофитовых к пельтаспермовым. Вот что он писал об ангарских «каллистофитовых», предки которых, по его представлениям, мигрировали из экваториальной Евразийской палеофлористической области:

«Для надежного отнесения ископаемых к порядку *Callistophytales* надо выявить анатомические признаки осей, семян и синангиев. Типичные евразийские каллистофитовые (Rothwell, 1981) продуцировали семена и синангии на неизмененных или слабо измененных листьях. Автор предположил (Meuyn, 1984), что этот поря-

док включает с платиспермическими семенами и синангиями, еще не пересевшими на листовую пластинку и прикрепленными к перистой листоподобной оси <...>. Среди еврамерийских средне-верхнекарбоновых растений это ансамбль-род *Eremopteris* – *Cornucarpus* – *Peltaspermostrobus* <...>. Семена, сходные с *Cornucarpus*, известны в средне-верхнем карбоне Ангарида. Это *Angarocarpus ungensis*, обычно сопровождающий вайи *Paragondwanidium sibiricum*. Последние определенно <...> ассоциировали с фруктификациями *Gondwanotheca sibirica* (Нейбург, 1948; Meyen, 1984). <...>

В нижнем карбоне Ангарида нет растений, из которых можно вывести этот ансамбль-род. Среди еврамерийских растений, внешне сходных с *Paragondwanidium*, можно отметить *Archaeopteridium*. *Angarocarpus ungensis* обнаруживает общие черты с *Cornucarpus* и *Samaropsis bicaudata* (Seward, 1917). *Gondwanotheca* очень сходна с перистыми полиспермами (до сих пор названными), сопровождающими *Eremopteris* в среднем карбоне <...>.

Листва *Paragondwanidium* связана переходом с *Angaridium* (Meyen, 1982) <...>. Более глубоко рассеченные вайи *Angaridium* связаны с переходными формами с вайями, относимыми сейчас к *Rhodea javorskyi* (Gorelova, 1978), из низов среднего карбона. <...> Еврамерийские родеи <...> принадлежат, по крайней мере частично, к протостелическим лагеностомовым с осями типа *Heterangium* (Jennings, 1976). Как и у эвстелических лагеностомовых, их семена могли быть заключены в купулы. Никаких купулоподобных остатков (с прикрепленными или опавшими семенами) до сих пор не было найдено в ангарской флоре. Поэтому принадлежность *Angaridium* лагеностомовым сомнительна. <...>

До изучения минерализованных остатков ансамбль род *Paragondwanidium* – *Gondwanotheca* – *Angarocarpus* и род *Angaridium* могут быть интерпретированы как сателлитные таксоны порядка каллистофитовых. Предки этих растений, очевидно, мигрировали в Ангарида в конце раннего – начале среднего карбона»¹³.

Итак, анатомия предполагаемых ангарских каллистофитовых неизвестна, что практически исключает отнесение их к данному порядку. И здесь на помощь С.В. приходит *petitio pricipii*¹⁴:

¹³ Мейен С.В. Голосеменные ангарской флоры // С.В. Мейен. Эволюция и систематика высших растений по данным палеоботаники. – М.: Наука, 1992. – С. 123–124.

¹⁴ Логическая ошибка и соответствующий софистический прием, известный как «подмена основания». Состоит в скрытом допущении в предпосылке того, что следует доказать (Ред.).

сравнение ведется с единственной еврамерийской группировкой неанатомических форм-родов, принадлежность которых к каллистофитовым возможна, но убедительно не доказана.

Из того, что в нижнем карбоне Ангарида «нет растений, из которых можно вывести» ансамбль-род *Paragondwanidium* – *Gondwanotheca* – *Angarocarpus*, вовсе не следует его еврамерийское происхождение. Само отсутствие соответствующих ангарских форм является весьма шатким предположением: флоры нижнего карбона Ангарида изучены слишком поверхностно и неполно.

Наличие переходов между листьями типа *Paragondwanidium*, *Angaridium* и *Rhodea javorskyi* может свидетельствовать об их таксономической близости, но отнюдь не о связи с анатомически изученными еврамерийскими лагеностомовыми.

Очевидно, приведенных аргументов недостаточно для даже провизорной интерпретации ансамбль-рода *Paragondwanidium* – *Gondwanotheca* – *Angarocarpus* и рода *Angaridium* как сателлитных таксонов порядка каллистофитовых. И уж тем более не дают они реальных оснований для заключения о том, что «предки этих растений, очевидно, мигрировали в Ангарида в конце раннего – начале среднего карбона».

Интересно, что в конце 1970-х, когда вопрос об избрании в Академию еще не стоял на повестке дня, С.В. высказывался прямее, а главное – более обоснованно:

«Вполне достоверных представителей *Lagenostomales* в ангарской флоре неизвестно. Не исключено, что к лагеностомовым принадлежат некоторые нижнекарбоновые растения, описанные как *Aneimites*, *Adiantites*, *Triphylopteris* <...>. К *Lagenostomales* принадлежит еврамерийский род *Rhodeopteridium* (= *Rhodea*). В нижнем карбоне Южной Сибири (Gorelova, 1978) указывался вид *Rhodea javorskyi* Gorel. (видимо, это синоним *Belenopteris ivanovii* Zal.), но его анатомическое строение и фруктификации неизвестны. В еврамерийской флоре к лагеностомовым относят многие виды *Sphenopteris*, но ангарские виды этого рода, скорее всего, принадлежат к папоротникам»¹⁵.

Об ангарских невроптеридях в той же работе можно прочитать следующее:

«Ангарские *Neuropteris* изучены плохо. Морфологически они очень сходны с еврамерийскими, но в Ангарида до сих пор не найдено достоверных непарноперистых вай. <...> Отсутствие

¹⁵ Мейен С.В. Каменноугольные и пермские флоры Ангарида (Обзор) // С.В. Мейен. Теоретические проблемы палеоботаники. – М.: Наука, 1990. – С. 155–156.

непарноперистых невроптерид косвенно подтверждается отсутствием в захоронениях предпыльцы типа *Monoletes* и продуцировавших такую пыльцу синангиев (типа *Dolerotherca*, *Hal-letheca* и др.). Впрочем, синангии, известные у парноперистых невроптерид (типа *Potoniea*), в Ангариде также неизвестны.

Можно предполагать, что невроптериды мигрировали в Ангариду из Еврамерийской области. Однако нельзя исключать, что часть ангарских невроптерид автохтонного происхождения, поскольку встречаются переходные формы между *Neuropteris* и *Angaropteridium*¹⁶.

Работу Г.У. Ротуэлла (Rothwell, 1981) о каллистифитовых С.В. тогда еще не знал, а потому написал просто, одной фразой: «Растений, которые можно сблизить с каллоспермариевыми (так тогда назывались будущие каллистифитовые. — И.И.), в ангарской флоре нет»¹⁷.

Еще раньше, во второй половине 1960-х, в одной из неопубликованных работ С.В. писал:

«Развитие основных флор карбона и перми протекало автохтонно. Количество общих элементов между ними было в целом невелико. Во всяком случае, те миграции, которые удается установить, явно не меняли основного строя местных флор. Правда, за счет этих миграций могли появляться предшественники тех групп, которые затем составляли основной фон флоры. Но пока нет никаких данных, что предки гондванских глоссоптерид пришли из Еврамерийской или Ангарской областей или что предки ангарских кордаитов жили в Европе или Америке. По-видимому, эти ведущие группы обеих флор имеют автохтонное происхождение»¹⁸.

Добавим: не было этих данных в 1986-м, нет и сейчас!

Та же точка зрения проведена и подробно обоснована в докторской диссертации С.В. «Сравнительно-исторический анализ каменноугольных и пермских флор Евразии» (1969).

Складывается впечатление, что в данном случае мы имеем дело с разновидностью описанного в науковедении и истории науки феномена *обратной эвристики*, когда гипотеза, причем слабо обоснованная, но являющаяся предметом личной веры или заинтересованности, превращается в догмат¹⁹. С.В. Мейен рассуждает подобно богослову, который «доказывает» наличие разумного

замысла Творца, уже предполагая его во всем Творении. Особенно убеждает в этом заключение его цитированного выше рассуждения 1986 года, никак не вытекающее из посылок.

* * *

Так или иначе, не удовлетворившись объяснением С.В. Мейена, Ю.В. Чайковский предположил, опираясь лишь на его авторитет, что на высших уровнях системы (порядков и классов) в эволюции голосеменных господствует монофилия, порядки и классы порождают новые порядки и классы. Их филогения — это как бы «грубый» взгляд издалека на процесс эволюции, но если взглянуть в нее детально — обнаружится *сетчатая эволюция*²⁰.

Конечно, чисто логическое такое предположение возможно, но все же хотелось бы знать, каким образом и по какой причине «сеть» на уровне семейств должна сформировать монофилетическое «древо» на уровне порядков и классов. А еще лучше было бы показать это на конкретных примерах, которых нет, не было и, по всей видимости, не будет.

К тому же, С.В. Мейен, по сути, утверждал большее — монофилетизм не только порядков и классов, но и таксонов высших растений более низкого ранга. В частности, опубликованная им филогения родов ранних хвойных также носит монофилетический характер²¹.

Как отмечалось выше, С.В. считал, что центры макроэволюционных новаций сосредоточены в экваториальном поясе, откуда результаты макромутационной активности — *helpful monsters* Р. Гольдшмидта — мигрируют во внеэкваториальные широты. Но эти «монстры» — все те же роды и виды, которые во внеэкваториальных областях, по Мейену, если выживают, то продолжают эволюционировать медленнее и с меньшей таксономической амплитудой.

* * *

Обратимся еще раз к фактической стороне вопроса, к которой апеллировал Учитель в предсмертной беседе с Ю.В. Чайковским.

Прежде всего, монофилетизм надродовых таксонов, показанных на его схеме (рис. 2, 3), ни в одном случае убедительно не доказан. В некоторых случаях такую монофилию можно выдвигать в качестве гипотезы, созерцать в интуиции,

¹⁶ Там же, с. 156.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по авторской машинописи, хранящейся в научном архиве С.В. Мейена.

¹⁹ Об обратной эвристике см., напр.: Чайковский Ю.В. Заключительные мысли. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. — С. 35–38.

²⁰ Чайковский Ю.В. Феномен эволюции организмов в понимании С.В. Мейена // Эволюция флор в палеозое: Сборник научных трудов. — М.: ГЕОС, 2003. — С. 99–105.

²¹ Мейен С.В. Пермские хвойные Западной Ангарида // *Lethaea rossica*. Российский палеоботанический журнал. — 2010. — Т. 3. — С. 29–94. См. рис. 27.

допускать в виде презумпции, но в любом случае в основе будут лежать неполно сохранившиеся, часто недостаточно изученные и не вполне надежно реконструированные формы – пара-, морфо- или формальные таксоны, причем в большинстве своем описанные по вегетативным частям неанатомической сохранности.

Не доказана и «биогеографическая тройственность» филумов (центральная экваториальная и две внеэкваториальные составляющие), отвечающих порядкам и классам. В действительности, С.В. Мейен совмещал с биогеографическим фоном не реальные группировки, филогенетическое единство которых могло бы быть тем самым подтверждено или опровергнуто, а свои эволюционные гипотезы, возникшие на почве объявленного им «перемирия» с селекционистами.

Не случайно этот фон слишком обобщен. На схемах С.В. нет даже очертаний древних материков и крупнейших горных систем. Если действительно совместить Мейеновскую филогению с конкретными схемами палеофлористического районирования, становится очевидным, что, скорее всего, речь идет не о «биогеографической тройственности» филумов, а о параллельно развивавшихся филетических линиях, имевших сходную последовательность стадий эволюционного развития.

Крупнейшие географические барьеры, определявшие структуру основных фитоценозов (царств и областей) позднего палеозоя, практически исключали сколько-нибудь эффективный флористический обмен между ними. Эволюция шла преимущественно автохтонно, что, как мы видели, признавал и сам С.В. Мейен, пока не встал перед проблемой вписать свои построения в господствовавшую парадигму.

Получающуюся картину можно было бы назвать «законом гомологических линий в филогенезе». Согласно этому закону:

1) Крупнейшие филумы высших растений, соответствующие таксонам ранга от порядка и выше, являются сборными, полифилетическими единствами. В реальной эволюции они представлены тремя или большим числом филогенетических линий («гомологических линий» и соответствующих таксонов), развивавшихся параллельно и автохтонно.

2) Филогенетическая последовательность гомологических линий (таксонов), как и последовательность стадий их собственного эволюцион-

ного развития, сходны в крупнейших биохориях Земли. Это касается, в том числе, семофилогений отдельных органов.

3) Возникновение гомологических линий происходит геологически одновременно или с задержкой во внеэкваториальных биотах по сравнению с биохориями экваториальной области, что может быть связано, как и предполагал С.В. Мейен²², с усилением в них давления абиотического «отбора».

4) Зная филогенетическую последовательность гомологических линий (таксонов) для одной древней биохории, можно предсказать неизвестные пока гомологические линии и соответствующие таксоны в другой.

Хорошим примером формирования гомологических линий является рассмотренная выше семофилогения семенной чешуи древних хвойных, реконструированная А.В. Гоманьковым (рис. 1). Видно, как параллельные процессы «билатерализации» семеносного побега и слияния стерильных чешуй и семяножек происходят параллельно у ранних хвойных бореальной Ангарской (*Kungurodendron*, *Concholepis*, *Sashinia*) и экваториальной Евразийской области (*Emporia*, *Thuringiostrobus* и др.). При этом в каждой гомологической линии наблюдается сходная последовательность стадий эволюционного развития. Например, *Kungurodendron* – *Concholepis* в Ангарской области и *Hanskerpia* – *Majonica* – в Евразийской. Обращает на себя внимание и сходная временная приуроченность соответствующих форм.

* * *

Сергей Викторович любил напоминать, что великие люди поучительны даже в своих ошибках и заблуждениях. Такие ошибки еще надо сделать – говаривал он, объясняя, в чем неправ был тот или иной классик. Воистину это так, идет ли речь о поэте и натурфилософе И.В. Гёте, энциклопедисте географии и биологии Л.С. Берге или самом С.В. Думается, псевдомонофилетическая филогения С.В. Мейена, как и многие его построения, поучительны даже в своих слабых местах. И урок их пока остается до конца не извлеченным.

²² Мейен С.В. География макроэволюции у высших растений // Журн. общ. биол. – 1987. – Т. 48. – № 3. – С. 291–310.